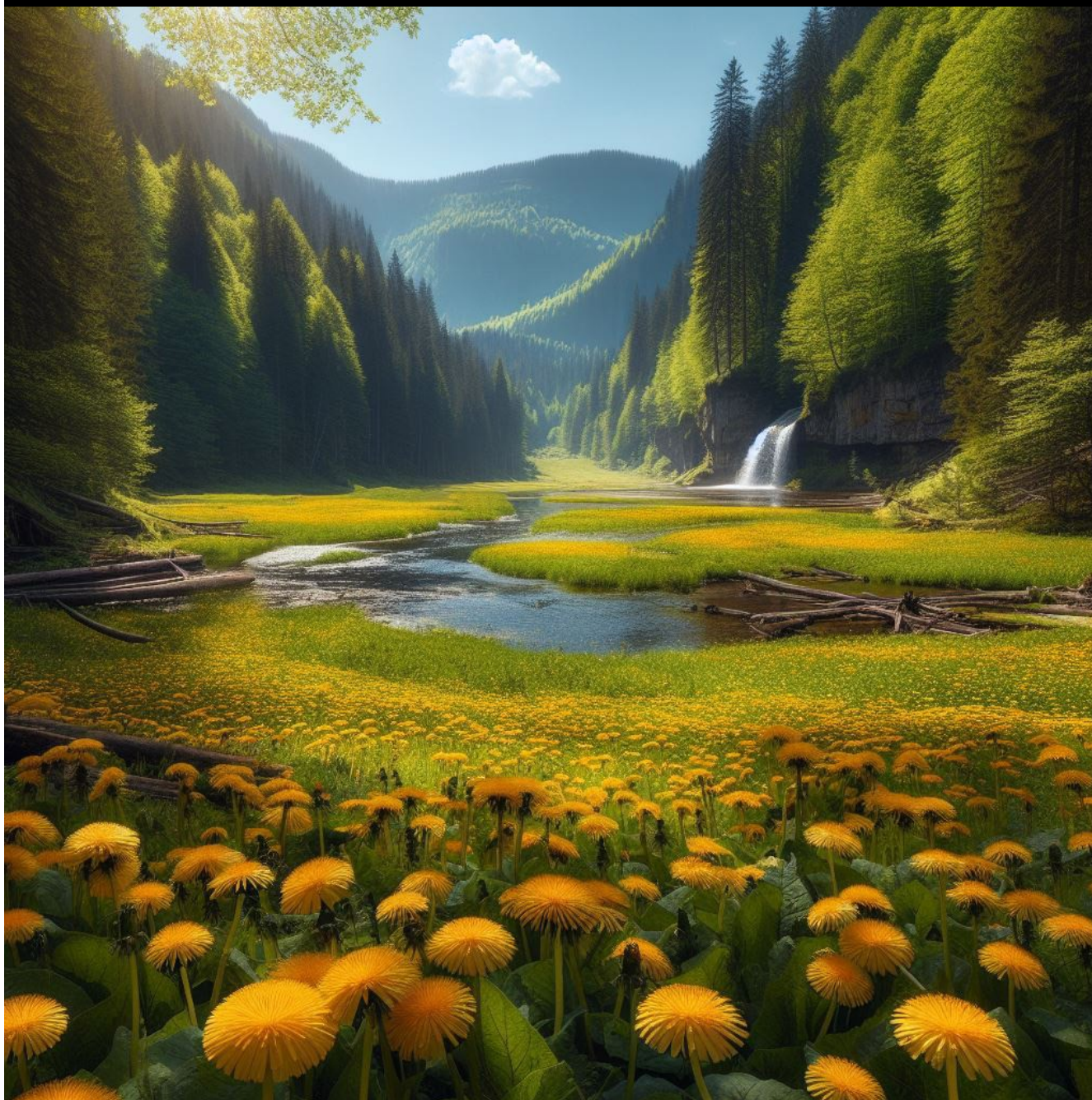

Юрий Нестеренко

ЦЕЛЬ

7300. Сегодня 7300-й день моего пожизненного заключения. Это значит, что я нахожусь здесь уже двадцать лет.

В моем календаре нет високосных годов. Они не имеют никакого смысла для того, кто больше никогда не увидит солнца. Точно так же, как не имеют смысла месяцы и даже дни недели. В тюрьме нет смены времен года. Нет смены продолжительности дня. Нет будней и уикэндов. Здесь никогда ничего не меняется. Только дни и ночи, поскольку мне все-таки надо

спать. Искусственные ночи и искусственные дни, отмеряемые искусственным светом.

В отличие от узников прошлого, мне нет нужды делать зарубки на стенах, чтобы не потерять им счет. Здесь есть часы. Бесстрастно меняющиеся цифры на экране. Они не показывают дату, также потерявшую для меня всякий смысл. Только количество суток, прошедших с того момента, как тяжелая дверь за спиной навсегда отсекла меня от мира людей. Часы безупречно точны и в то же время врут. Продолжительность секунды в них искусственно завышена на ничтожную долю процента - с тем, чтобы 365 суток по здешнему исчислению соответствовали ровно году по нормальному календарю, исключая ту самую необходимость в високосных довесках. А может быть, и нет. Может, я сам это придумал. Не помню точно. За двадцать лет можно многое забыть.

В любом случае, это не имеет никакого значения. Также, как и любые круглые цифры, годовщины и юбилеи. Сегодняшний день ничем не отличается от вчерашнего и не будет отличаться от завтрашнего. То есть, конечно, я могу выбрать другую еду в продуктовом автомате. Или другую тему в рекреационной комнате. Или другой фильм. - как будто я еще не пересмотрел их все. Или другой файл для чтения. Но все это, опять-таки, не имеет значения.

Я даже могу устроить небольшой бунт и не пойти заниматься на тренажерах. Заставить меня никто не может, но автоматика будет изводить регулярными напоминаниями, пока я не буду готов лезть на стену, лишь бы она заткнулась. Кроме того, я получу меньше еды. Это не наказание, это строгий расчет: потратил меньше калорий - меньше получи взамен, а то наберешь лишний вес. Они очень заботятся о моем здоровье. Хотят, чтобы я прожил как можно дольше. Не хотят, чтобы ускользнул в небытие раньше времени. Иначе что это за пожизненное заключение, верно?

Я нахожусь здесь безвинно. Да, конечно, заключенные во все времена говорили подобное, но в моем случае это правда. За всю свою жизнь я даже ни разу не превысил скорость, не говоря уже о более серьезных грехах. Ну то есть, конечно, я убил своего сокамерника. Но, в-первых, это было семь лет назад. То есть уже через тринадцать лет после того, как я получил свой пожизненный приговор. А во-вторых, это была самооборона. Если бы я не убил его, он убил бы меня. Чуть раньше или чуть позже.

С тех пор я здесь совершенно один. Здесь нет ни других заключенных, ни охранников и надзирателей. Тюрьма абсолютно изолирована от внешнего мира и полностью автоматизирована. Никто даже не пытался наказать меня за убийство, да и как можно наказать того, кто и так отбывает пожизненный срок?

Ну то есть в принципе, конечно, всегда есть возможность сделать ситуацию еще хуже. Отключить рекреацию, фильмы, книги, заставить меня жрать безвкусную белковую массу... даже просто повысить или понизить температуру в помещении - устроить этакий ад в миниатюре, да. Но, разумеется, ничто подобное не предусмотрено программой.

Создатели этой тюрьмы вообще были большими гуманистами. Я могу свободно выходить из камеры. Заниматься спортом. Смотреть кино. Читать книги из бездонной компьютерной библиотеки. Играть в компьютерные игры. Часами сидеть в рекреационной комнате, стены которой - на самом деле трехмерные экраны - демонстрируют динамические пейзажи, снятые в самых разных уголках земли, от гималайских гор до африканских джунглей. Скрытые трубочки гонят воздух, имитируя ветерок, одораторы насыщают его соответствующими запахами, из динамиков звучат шум прибоя или водопада, пение птиц, кваканье лягушек, рычание льва в саванне или даже крики детей, играющих на зеленой улочке маленького американского городка. Под раздвижным полом даже имеется крохотный бассейн, призванный изображать лесное озеро или морскую лагуну.

Утонуть в нем, правда, нельзя. Самая большая глубина - по пояс, и, если погружаешь голову под воду, она, то есть вода, тут же с шумом уходит в сливные отверстия. Это они предусмотрели.

Помимо камеры (разделяемой теперь уже ненужной выдвижной перегородкой на две половины) и рекреационной комнаты, имеются еще кинозал (он же - комната для видеоигр) и тренажерный зал. В принципе, фильмы можно было бы показывать и в рекреации, но тюрьма рассчитана на двух заключенных, каждый из которых имел бы возможность для уединения: пока один смотрит фильм, другой медитирует на берегу виртуальной реки. Просто в теории, разумеется. Когда не возникает вопросов, кто куда хочет пойти первым и что именно смотреть, если зрителями будут оба одновременно. Конечно, всегда можно договориться об очередности. Но когда живешь год за годом, запертый с одним и тем же человеком в четырех стенах, пусть даже разделенных перегородками...

Все эти помещения, даже гордо именуемые "залами", на самом деле - крохотные комнаты. В любой из них, подняв руку над головой, упираешься в потолок. Имеются еще технические помещения, куда заключенным доступа нет - они вообще не рассчитаны на человека. Плюс коридор, ведущий к двери наружу.

Я стоял в тамбуре перед этой дверью множество раз. Она представляет собой сплошную броню, способную выдержать любой взрыв, кроме разве что атомного. Разумеется, на ней нет никаких замочных скважин или даже ручек. Открыть ее может только компьютер, который управляет здесь всем. Впрочем, под прозрачным колпаком справа имеется также рубильник аварийного открытия. Но дергать его бесполезно. Компьютер знает, что никакой аварийной ситуации нет, и блокирует его.

Я много раз думал о том, как создать эту ситуацию. Таковую, при которой компьютер позволил бы открыть дверь. Это должно быть что-то, прямо угрожающее жизни. Например, пожар, но в тюрьме все сделано из негорючих материалов. Нечем даже создать огонь. Или, скажем, отравление воздуха. Но опять-таки непонятно, чем его можно отравить. Особенно когда здешняя система вентиляции и очистки способна справиться с любыми примесями. Оборвать провода или вызвать короткое замыкание тоже нельзя. Все электричество надежно упрятано в стены, которые слишком прочны, чтобы их проковырять. Во всяком случае, не ногтями и не пластиковыми ложками и вилками.

Они все предусмотрели, да. Сбежать отсюда невозможно.

И все же когда-то давно, еще на свободе, я прочитал, что у узника всегда есть преимущество перед тюремщиком, потому что заключенный больше думает о том, как сбежать, чем тюремщик - о том, как предотвратить побег. А в этой тюрьме думать, кроме меня, вообще некому. Они просчитали все заранее, заложили программу в компьютер и успокоились. Но нельзя заранее, раз и навсегда предусмотреть все. Живая мысль обязана победить мертвую программу.

Рано или поздно я вырвусь отсюда. Не знаю, как, но вырвусь.

Я иду к продуктовому автомату и делаю заказ. Греческий салат, рыба, запеченная под майонезом, ананасовый сок. На самом деле все это фикция. Эта рыба никогда не плавала в реке или в море (или даже в рекреационном бассейне), а эти овощи и фрукты никогда не росли на грядках или на ветках. Клеточные культуры, растущие в автоклавах под ультрафиолетовыми лампами на органическом субстрате (если именовать таким солидным термином мое собственное дерьмо), напичканные витаминами, ароматизаторами, органическими красителями и вкусовыми добавками, "идентичными натуральным". Впрочем, на вкус действительно не отличишь, если не знать, из чего это все сделано. Вся пища, естественно, производится здесь же, в тюрьме. Прошли те благословенные времена, когда узнику могли передать с воли пилку, запеченную в хлебе. Никакие передачи сюда невозможны. Моя изоляция от мира абсолютна.

Я отламываю вилкой несколько кусочков от так называемой рыбы, которой действительно придана рыбообразная форма (столь же "натуральная", как у песочных "куличиков", которые лепят с помощью соответствующих формочек дети). В принципе, это

действительно вкусно, тут я не могу придаться к моим тюремщикам. Хотя гурман на моем месте не смог бы определить, какая именно эта рыба - но я не гурман. Во всей этой синтетике есть даже неоспоримый плюс - никогда не попадаются кости, кусочки скорлупы или кожуры. Возможно, кто-то на моем месте патетически воскликнул бы, что, мол, все бы отдал сейчас, лишь бы у него на зубах хрустнула настоящая кость. Нет, я не отдал бы. Мне, положим, и нечего отдавать, но даже если б было. Конкретно за это - не отдал бы, потому что это глупость. Но я бы с этим примирился. Примирился бы с костями, скорлупками и прочими неудобствами натуральной пищи, лишь бы снова оказаться там, где ее едят.

Хотя, может быть, сейчас ее не едят даже там. Все-таки прошло слишком много времени. Я понятия не имею, что там сейчас. Иногда я думаю, что, может быть, произошла какая-нибудь глобальная катастрофа, и весь мир уже погиб - и только моя совершенная, изолированная, полностью автономная тюрьма продолжает функционировать. Может быть, я последний человек на свете. А мой сокамерник, соответственно, был предпоследним. Впрочем, поскольку мы оба были мужчинами, перспектива возродить погибшее человечество нам в любом случае не грозила...

Я беру кусок рыбы и кидаю на пол. Вскоре раздается знакомое цоканье, и в камеру, деловито перебирая восемь конечностями, вбегает паук. Его панцирь размером в две моих ладони тускло поблескивает в искусственном свете. Подбежав к угощению, он нависает над едой сверху, затем опускается на нее, согнув ноги. Несколько секунд слышны звуки, отдаленно похожие на негромкое чавканье. Затем паук поднимается и отбегает в сторону. Пол на том месте, где лежала рыба, снова безупречно чист.

Я смотрю на часы. Двадцать шесть секунд. С каждым разом это занимает все меньше времени.

Роботы-пауки - единственные, помимо меня, обитатели тюрьмы. Мастера на все руки - точнее, на все ноги: уборщики, ремонтники и не только. Именно они поддерживают здесь порядок. Не знаю точно, что за химическая фабрика у них внутри, но любую органику они утилизируют без следа. В свое время я видел, как они управляют с телом моего сокамерника. У них ушло на это меньше сорока минут, вместе с финальной зачисткой пятен на полу. Довольно впечатляющее зрелище. То есть сначала они попытались его реанимировать - они умеют и это тоже. Ну а убедившись, что это бесполезно, столь же деловито переключились на программу утилизации. Когда-нибудь они рассчитывают проделать подобное и со мной.

Не дождетесь, твари.

Я начал подкармливать паука недавно. Началось с того, что я просто случайно уронил еду на пол. Мне, конечно, и прежде доводилось ронять туда крошки, но тут шлепнулся особенно крупный кусок "индейки" в густом соусе. Крошками пауки занимаются во время штатной уборки (как правило, когда меня нет в камере - они стараются быть деликатными), но ради такого жирного куска паук прибежал специально. Глядя, как он расправляется с индейкой - для него это, естественно, не еда, а грязь, которую надлежит убрать, но со стороны он выглядел как голодное существо, уплетающее лакомство - я вспомнил многочисленные истории об узниках, приручавших какую-нибудь мышь или крысу. Само собой, эта мысль вызвала у меня лишь усмешку. У меня никогда в жизни не было домашних животных, и я не испытывал потребности в них, но главное - в высшей степени нелепа идея пытаться приручить робота. Который просто следует своей программе.

А ни мышей, ни крыс, ни даже насекомых и пауков - в смысле, *настоящих* - здесь нет. Никаких форм жизни, кроме меня и бактерий в моем кишечнике. Ну и те самые клеточные культуры, из которых готовится все еда.

Тем не менее, я стал бросать пищу на пол для паука. Или для пауков. Я так до сих пор и не знаю, один и тот же это или каждый раз разные. Они все выглядят абсолютно одинаково, без каких-либо маркировок на корпусе. Я пытался пометать их - соусом, зубной пастой, даже

собственной кровью - но эти чистюли всякий раз тщательно очищают свои панцири. Конечно, у каждого из них есть индивидуальный номер, но его знает только компьютер. Узникам он без надобности.

Но на самом деле действительно нет разницы, один это паук или разные. У них нет своих собственных мозгов. Ими всеми управляет центральный компьютер. Впрочем, насколько я знаю, это все же не одна общая программа. Каждому из них выделяется отдельный процесс на центральном ядре. Так объяснял мне мой сокамерник, когда еще был жив. Он как раз был специалистом по компьютерам. Одним из лучших. Из-за чего и угодил сюда.

Эти процессы динамические. Не прописанные раз и навсегда. Пауки созданы, чтобы устранять любые неполадки - в том числе, кстати, и друг у друга - в условиях, когда помочь и подсказать им некому, а значит, должны уметь адаптироваться к любым нестандартным ситуациям. Они обучаются, и мой опыт с "кормлением" подтвердил, что они обучаются. Между брошенной на пол едой и прибытием паука проходит все меньше времени. Нет, быстрее бегать они не стали - если нет чрезвычайной ситуации, скорость их передвижения постоянная. Просто они выявили корреляцию между временем работы продуктового автомата и временем, когда на полу образуется грязь, подлежащая ликвидации, и один из них - всякий раз тот же или новый - в нужное время уже ошивается у меня под дверью. Раньше времени он не входит - пока что вероятность появления мусора на полу оценивается им как высокая, но не стопроцентная, и правило "не беспокоить заключенного без необходимости" имеет приоритет над стремлением устранить беспорядок немедленно, лучше всего - прямо в момент возникновения. Интересно, будет ли так всегда? Или я дождусь момента, когда паук будет объявляться, словно выпрашивающая угощения собака, стоит мне только сесть за стол?

Паук, сделав свое дело, семенит прочь. Я бросаю на пол еще кусок псевдорыбы. Он возвращается и утилизирует новую порцию. Снова бежит прочь. Я кидаю добавку.

На третий раз, закончив уборку, он не уходит. Некоторое время остается на месте, словно ожидая, не шлепнется ли очередной мусор ему прямо на голову, то есть на спину, то есть на корпус. Потом делает шаг в сторону и снова застывает. Ждет.

Я тоже жду. Посмотрим, у кого из нас терпения больше.

Естественно, компьютер выигрывает. Я ставлю на пол тарелку с остатками салата. Теперь я точь-в-точь заботливый хозяин, кормящий своего питомца. Но робот не двигается. Очевидно, в его представлении еда в тарелке, где бы та ни стояла, является моей собственностью, а не мусором. По крайней мере, до тех пор, пока не начнет протухать.

- Возьми это, - говорю я. - Это тебе.

Естественно, паук не двигается. У них нет голосового интерфейса. Компьютер сам знает, что им делать, и не нуждается в подсказках заключенных.

Тогда я ногой опрокидываю тарелку. Робот тут же приступает к утилизации.

- Хороший паук, - говорю я. - Хороший мальчик.

Потом поднимаю ногу и со всей силы топчу его, как давил бы настоящего паука.

Он отбегает в сторону. Разумеется, на его гладком корпусе нет ни малейшей вмятинки.

Чтобы раздавить его, потребовался бы гидравлический пресс.

У меня нет хитрого плана. В том, что я сделал, не было никакого смысла. Но мне просто захотелось сделать это.

Я иду смотреть кино.

Кажется, я говорил, что пересмотрел уже все фильмы в кинозале. На самом деле это неправда. В бездонных цифровых хранилищах тюремной фильмотеки полмиллиона наименований. Полнометражки, сериалы, мультики, документальные. Все жанры, от комедий до ужасиков. Чтобы пересмотреть все это, не хватит ни двадцати, ни двухсот лет. Но я уже многие годы смотрю фильмы на одну тему. И вот их не так много, особенно хороших. Поэтому их я

знаю уже наизусть.

Фильмы на тему побега.

Сегодня я буду смотреть "Побег из Шоушенка". Оригинальный фильм с Тимом Роббинсом, а не ремейк с Гленном Фордом. Я, конечно, понимаю, что автор ремейка счел это весьма остроумным - коль скоро действие фильма происходит в середине XX века, то и играть в нем должны актеры соответствующей эпохи (позже подобный подход вообще сделался мейнстримом). Но я предпочитаю старые фильмы с живыми актерами, а не нынешние, с цифровыми моделями покойников. Пусть даже эксперты и уверяют, что эти модели ничем не хуже оригиналов, и тестовые группы не смогли заметить разницы...

Мне очень близок Дюфрейн, главный герой истории. Он тоже получил пожизненное без вины и тоже отсидел двадцать лет. Но увы - его опыт ничем не может мне помочь. Из моей тюрьмы нельзя выбраться через канализацию. Никакие трубы не ведут отсюда наружу, все отходы перерабатываются внутри. И эти стены не долбить никаким геологическим молотком, даже если бы он у меня и был.

Мне не надо бояться ни жестокости тюремщиков, ни насилия со стороны других заключенных (по крайней мере с тех пор, как я остался один), но никакие побеги прошлого, описанные во всех этих фильмах, реальные и вымышленные, не могут подсказать мне выход. Моя тюрьма - совершенство. Вершина прогресса. Высшее достижение инженерного гения, имеющего целью запереть человека в четырех стенах с тем, чтобы он больше никогда не вышел оттуда.

И все-таки я выберусь. В этом теперь цель всей моей жизни.

Среди множества мест, заложенных в память рекреационной комнаты, у меня есть одно особенно любимое. Я даже затрудняюсь сказать, почему именно оно; у меня не связано с ним никаких сентиментальных воспоминаний - я никогда не был там в реальности, и никакой особенной экзотики в нем тоже нет. Это просто поляна в лесу. Лес позади, где сосны и ели перемежаются с лиственными деревьями и кустами, густой, но совсем не мрачный; кроны просвечены насквозь солнечными лучами, оттуда приятно пахнет хвоей и нагретой смолой. Справа - невысокая, чуть выше двух метров, скальная гряда, с которой срывается сверкающими тонкими струями небольшой водопадик, наполняя прозрачной водой неглубокую каменную чашу с изумрудно-зелеными водорослями на дне. Из этой чаши вытекает ручей, бегущий через поляну налево; солнечные блики играют, дробятся и переливаются на его непостоянной глади, а над ним, быстро трепеща прозрачными крылышками, порхают стрекозы. Над кронами деревьев на другом берегу поднимаются далекие горы, тоже покрытые лесом, словно одетые зеленым бархатом. А вся поляна заросла сочной темно-зеленой травой, и в ней, словно гигантская золотая россыпь, словно тысячи отражений солнца, во множестве желтеют одуванчики.

Там - как, впрочем, и во всех программах рекреационной комнаты - всегда одно и то же время года и суток. В данном случае - начало лета, примерно два часа пополудни. Допускаю, что в реальности - а это место реально, как и все прочие - там не всегда так хорошо, особенно зимой. Я знаю, где это - координаты каждого места можно посмотреть в базе, тюремщики словно специально оставили их в качестве утонченного издевательства: нет, не думайте, что всё это лишь компьютерные иллюзии, все эти места существуют, только вам туда никогда уже не попасть, ха, ха. Так вот, судя по координатам, зимы там довольно холодные. Водопад, наверное, превращается в гроздь гигантских сосулек, в колонну ледяных сталагматов, а ручей промерзает до дна. Хотя в искрящемся на солнце снегу, укутавшем поляну и ветви деревьев, тоже, должно быть, есть своя красота... Я не знаю, какое будет время в мире живых, когда я вырвусь отсюда. Но мне хочется верить, что там все-таки будет начало лета и одуванчики.

В мире живых, да. Неслучайная оговорка. Иногда мне кажется, что я не просто похоронен здесь заживо. Может быть, я уже умер и нахожусь в аду? Кто сказал, что там должны быть черти

со сковородками и прочие технологии двухтысячелетней давности? Почему ад не может идти в ногу со временем? Не может быть высокотехнологичным, с роботами и компьютерами? А может быть, это вовсе не я убил своего сокамерника? Может, в результате нашей схватке он убил меня, и теперь я здесь уже даже не пожизненно, а *навечно*?

Нет, все это чепуха, конечно же. Но иногда такие мысли приходят мне в голову. Откуда я знаю, что там, за внешними стенами тюрьмы, вообще что-то есть? Даже не жизнь, а *вообще хоть что-то*? Для меня это теперь точно такой же вопрос веры, как и любая религия. И, раз я никогда не верил в бога - ни в одного из богов - было бы последовательно теперь не верить и во внешний мир, чье существование я не могу подтвердить ни одним фактом. Записи в памяти компьютера могут быть столь же достоверными, как и фильмы с Гленном Фордом и Мэрилин Монро, снятые спустя десятилетия после их смерти. А мои собственные воспоминания о жизни на свободе стали уже чем-то настолько далеким и неясным, что могут оказаться просто обрывками снов...

Нет, нельзя так думать. То, что начинается, как игра ума, может закончиться натуральным сумасшествием. Которое в моих условиях особенно противопоказано, ибо, хотя роботы и способны оказывать медицинскую помощь, но только не психиатрическую... Мой золотой ручей и одуванчиковая поляна абсолютно реальны, и когда-нибудь я окажусь там.

Сегодня я кое-что заметил. Автомат выдал мне чуть более крупную порцию, несмотря на то, что я занимался на тренажерах ничуть не больше обычного. Сперва я подумал, что мне показалось, и даже взвесил ее на весах (весы предназначены, чтобы я мог контролировать свой собственный вес, но у них хватает чувствительности и для измерения куда меньшего груза). Потом подумал, что ошибся автомат - что за двадцать лет в этой штуке что-то разладилось, и вместо естественного страха - как-никак, это мой единственный источник пищи, и любая неисправность в нем... - я почувствовал злорадство. Но все эти системы с двойным и тройным резервированием слишком надежны. А потом я понял. Компьютер учел, что я трачу часть своей еды на паука, и стал выделять мне долю и для него.

Никакого наказания за нецелевое расходование пищи. Ну да, правильно - автомат ведь рассчитан на то, чтобы кормить двух человек, я и так уже семь лет обеспечиваю ему большую экономию. Впрочем, я и дерьма произвожу вдвое меньше, но, видимо, пока что система замкнутого цикла справляется.

Ну что ж - не будем разочаровывать умную технику. Я кидаю на пол очередное "угощение". Паук, покорно ждавший за дверью, тут же вбегает внутрь. Но на сей раз не решается приблизиться к моей ноге. Смирненно держится на безопасном расстоянии, ожидая моих дальнейших действий.

Они обучаются, да. То есть не они, конечно, а управляющий всем в тюрьме компьютер. И в этом моя надежда. С тупым автоматом, следующим раз и навсегда прошитой простой программе, невозможно поделаться ничем - разве что сломать его чисто физически, но это мне тоже не под силу. Это все равно что стражник, который на любые слова и предложения бездумно твердит одно - "не положено!" А вот если стражника удастся втянуть в диалог... заставить изменить свое поведение...

Чем умнее противник, тем больше шансов его победить, как это ни парадоксально. Разумным вообще свойственно сомневаться там, где тупой действует...

Хотя, конечно, называть центральный компьютер разумным было бы большим преувеличением. С другой стороны, я и сам за двадцать лет ежедневно повторяющихся однообразных действий чуть было не превратился в тупой автомат. Меня спасла только мечта о побеге. Вера в то, что он возможен.

Мой сокамерник не верил в это. Я надеялся, что его компьютерные знания помогут нам выбраться отсюда. Что он сможет заставить нашего кибертюремщика открыть дверь. Но его мои

планы привели в ужас. Он заявил, что я сумасшедший. Есть такие люди, которые, даже оказавшись в отрезанной от всего мира пожизненной тюрьме, будут бояться бунтовать - "как бы не вышло еще хуже". Да куда хуже-то?! Никаких более страшных наказаний в наше гуманное время не осталось... Но он хотел выслужиться перед нашими тюремщиками - не перед компьютером, конечно, а перед теми, кто отправил нас сюда (хотя они даже не наблюдают за нами, оставив все на откуп технике, и даже если внешняя дверь все же откроется, никакие стражники не будут поджидать нас - теперь уже меня - с той стороны). А может, даже и перед компьютером - черт его знает, куда могла уехать крыша этого парня за тринадцать лет, может, он уже воображал компьютер, управляющий всем нашим миром, разумным существом и чуть ли не богом... Так или иначе, он не позволил бы мне бежать, он даже пытался запереть меня в камере - лишить свободы даже внутри тюрьмы - и у меня не осталось другого выхода, кроме как убить его.

Хотя к побегу меня это не приблизило. За прошедшие с тех пор семь лет я так и не нашел способа.

Паук все еще топчется на месте, раздираемый двумя задачами - убрать мусор и избежать агрессии с моей стороны. Впрочем, не совсем на месте - постепенно он все же приближается. Физически у него, как я уже отмечал, нет оснований бояться меня - но мою вчерашнюю атаку он (или его близнец, передавший информацию всем своим братьям) воспринял как свидетельство помехи, созданной заключенному без необходимости. Чего гуманная программа предписывает избегать.

Но пауки не всегда столь деликатны. Когда три года назад я от отчаяния объявил голодовку - то есть ничего я, конечно, не "объявлял", некому здесь это делать, просто перестал пользоваться продуктовым автоматом - мне пришлось познакомиться с принудительным кормлением. Паук взобрался на меня, когда я лежал без сил на койке, и всадил мне толстую иглу в вену, чтобы закачивать туда питательный раствор. А когда я попытался сбросить его, то получил от его собрата лошадиную дозу транквилизатора, от которой у меня пропало всякое желание шевелиться. Так повторялось, пока я не сдался и не начал снова питаться самостоятельно.

Повеситься я, кстати, тоже не могу. В моем распоряжении нет ничего, похожего на веревку. Синтетическая одежда, которую мне выдает автомат - это, по сути, бумага. Она очень легкая, почти невесомая, но прочность на разрыв у нее никакая, даже если скрутить из нее жгут (и даже если бы было к чему этот жгут привязать, но здесь нет никаких крюков и выступающих из стены труб).

Мои тюремщики все продумали. Мне не дадут вырваться отсюда даже таким способом.

Паук все сужает круги вокруг моей ноги, почти касающейся лежащей на полу котлеты - и наконец все-таки решается приступить к уборке. Нет, на сей раз я не буду его топтать. Это было глупо. Буду втираться в доверие. Понятия не имею, как мне это поможет - даже если бы мне удалось заставить пауков выполнять мои команды, они не смогут открыть для меня внешнюю дверь. И все же коррупция во вражеских рядах - это всегда хорошо. Система уже приняла игру по моим правилам - она начала снабжать меня едой на "подкуп" пауков. Расходовать ресурсы на продукт, единственное предназначение которого - быть уничтоженным без всякой пользы. То есть ее эффективность понизилась, и это в любом случае плюс.

Всегда стоит наносить ущерб врагу, даже если это тот самый враг, который тебя кормит. Такому - особенно, ибо он не склонен этого ожидать.

Кто кого кормит, тот над тем и имеет власть... Нет, неверно. Крестьяне веками кормили феодалов, и все было наоборот. Кто контролирует жизненно важный ресурс, тот и имеет власть. Я смотрю на паука, расправляющегося с "угощением", и думаю об их питании. Не о грязи, которую они убирают, а о настоящем питании. Об электричестве.

Устройства для подзарядки находятся в каждом помещении тюрьмы. Это естественно, ведь паукам может потребоваться выполнять работы где угодно. Такое устройство представляет собой круглую площадку в углу, на которую паук ложится брюхом (диаметр как раз совпадает). Напряжение на саму площадку не подается, и никаких разъемов там тоже нет - за десятки лет они могли бы засориться или окислиться. Нет, все спроектировано надежно и безопасно - зарядка бесконтактная, за счет индуктивных токов в переменном магнитном поле, которое включается лишь тогда, когда сверху укладывается паук (блокируя своим корпусом дальнейшее распространение высокочастотного излучения, которое могло бы повредить моему драгоценному здоровью).

Можно было бы, конечно, очень просто сделать такую зарядку невозможной - если нанести на площадки металлическое напыление или хотя бы наклеить фольгу. Но у меня нет ничего подобного. Меня окружает сплошной пластик. Все очень легкое, неспособное служить оружием. Даже в спортзале нет никаких гантелей и "блинов" - вместо тяжестей я тягаю пружины из каких-то навороченных композитов с изменяемой эластичностью, позволяющей регулировать нагрузку. Один конец которых жестко закреплен в полу или в стене.

Забавно было бы намазать эти площадки клеем. Так, чтобы присевшие зарядиться пауки уже не смогли встать. Они ведь прижимаются так плотно, что не смогут выдвинуть трубки, по которым подается чистящий реагент! Допустим, его капли уничтожат клей в точках, где трубки будут упираться в площадки - но не по всей площади корпуса. Но из чего мне изготовить клей? Впрочем, если как следует поковыряться с настройками продуктового автомата... по умолчанию там меню с выбором из множества готовых блюд, но есть и режим тонкой настройки, позволяющий менять рецепты приготовления. Откровенную отраву компьютер приготовить не позволит, но что-нибудь не столь однозначно... что-нибудь, что не выйдет бесспорно несъедобным на момент выхода из автомата и доводится до кондиции уже вне его...

После долгих мучений мне удастся получить бульон, из которого после длительного прогрева в кофе-машине выходит нечто вроде клейстера. С кофейником варева я отправляюсь на дело. Зарядную площадку в своей камере я не трогаю - она должна остаться последней. Мне надо испортить остальные.

Я стою в спортзале и жду паука. Намазанный моим варевом диск зарядника влажно блестит, и я понимаю всю ущербность моего плана. Иностранное вещество невозможно не заметить, и паук, конечно, сначала очистит его, а уж потом станет заряжаться. Или зарядка все-таки имеет приоритет? Сначала зарядись, а уж потом со свежими силами приступай к уборке. С другой стороны, они наверняка приходят заряжаться не на последнем издыхании. Любой вменяемый конструктор предписал бы им делать это, еще имея достаточный запас энергии. Хотя с учетом того, что зарядные устройства доступны в каждом помещении, вроде бы нет необходимости делать этот запас большим - по крайней мере, когда нет аварийной ситуации...

Гадать бессмысленно. Остается только ждать, что будет.

Вот, наконец, и знакомое цоканье. Я отхожу как можно дальше в сторону, чтобы деликатный паук не решил, что может мне помешать, и не ушел заряжаться в другое место. Он семенит к приготовленной для него площадке. Останавливается. Заметил, конечно - невозможно не заметить. Принюхивается - или какие там у него рецепторы... явно не только оптические...

Плюх! Таки уселся заряжаться! Подбежать, что ли, и наступить на него, чтоб получше приклеился? Нет, пожалуй, еще удерет раньше времени... его собственного веса должно хватить. Я стою и жду, воображая, как он будет сучить ножками, стараясь подняться...

Паук разгибает конечности, поднимаясь без малейших усилий. Ничто даже не чпокнуло, никакие клейкие нити не тянутся за его брюхом. Диск по-прежнему блестит, и он деловито принимается его чистить.

Ну да, конечно. Этого следовало ожидать. Их корпус не берет никакой клей, тем более тот примитивный, который я сварил.

Все безнадежно.

Я кидаю паукам все больше еды. Причем в разные концы камеры. Уже несколько дней "харчеваться" прибегают сразу двое, а сегодня к ним впервые присоединился третий. Конечно, грязь на полу - не бог весть какая чрезвычайная ситуация, требующая немедленной реакции, но им тоже нечем заняться. Здесь никогда ничего не ломается. Ну то есть, может, и ломается, но они успевают починить это прежде, чем я успеваю заметить. Ничего настолько серьезного, чтобы поднять тревогу. И тем более - чтобы открыть внешнюю дверь.

Автомат тем временем увеличивает порции. С запозданием, но стабильно. Интересно, начнет ли он когда-нибудь делать это с упреждением - типа, "я знаю, что сегодня ты побросашешь на пол еще больше, чем вчера"? Или его программа позволяет реагировать только на уже свершившееся, но не делать прогнозы на будущее? И как долго это вообще может продолжаться? Очевидно, что не до бесконечности. Ресурсы ограничены, и в конце концов меня поставят перед фактом - столько и ни крошки больше. И если я при этом продолжу разбрасываться едой, не добирая свою научно обоснованную норму здорового питания, меня опять начнут кормить принудительно. Те же самые пауки - вот такая благодарность, да. "Ты кормишь нас, а мы будем кормить тебя" - а что, по-своему даже справедливо. Или, если ближе к истине, "ты создаешь лишние проблемы нам, а мы создадим их тебе", отчего справедливость не утрачивается.

Хотя действительно ли лишняя работа для них проблема, если она спасает их от скуки, да и вообще помогает им реализовывать саму цель их существования? Глядя, с каким энтузиазмом они на нее набрасываются, так не скажешь... А интересно было бы заставить их драться за еду!

Нет, конечно же. Все это полная чушь. Это всего лишь роботы, они не испытывают эмоций. И драться они не будут, даже если бы мне удалось поместить кусок еды - грязи с их точки зрения - на строго одинаковом расстоянии между ними. Это все безграмотная чепуха из древней фантастики, где стоило поставить компьютер перед парадоксом или выбором типа "Буриданов осел", и тот начинал искрить и дымиться. В реальности приоритет будет просто отдан роботу с меньшим номером. А на любой парадокс компьютер, даже если бы мне удалось вступить с ним в прямой диалог, ответил бы в лучшем случае сообщением "ошибка в условиях задачи". На самом деле никаких парадоксов не существует - существуют просто некорректно сформулированные условия, содержащие взаимоисключающие посылки. Да и с ними, на самом деле, у формальной логики нет никаких проблем. Внутренне противоречивое утверждение всегда ложно, а "ложь" - такое же законное значение логической переменной, как и "истина". Если парикмахер бреет только тех, кто не бреется сам, бреет ли он сам себя? Правильными будут как ответ "да", так и ответ "нет", поскольку утверждение в левой части импликации ложно (как представимое в виде конъюнкции противоположных утверждений), а из лжи следует что угодно. Я еще помню алгебру логики, да.

И уж конечно никакая ошибка в данных не приведет к аппаратной неисправности. В худшем случае, если ей все же удастся завесить программу, соответствующая задача будет просто автоматически пририта и перезапущена.

Ни химия, ни математика мне не помогут.

От отчаяния я дошел до деградации, немислимой прежде: стал смотреть русские фильмы. В период между предпоследним и окончательным распадами своей империи русские сняли огромное количество фильмов и сериалов криминальной тематики, о бандитах, тюрьмах и "ментах" (как именовались копы на их жаргоне), не сильно от этих бандитов отличающихся. Все это - чрезвычайно низкопробного уровня, тем не менее, кому-то пришлось в голову внести в базу кинозала и эти фильмы тоже, старательно, разумеется, переведенные (компьютер, озвучивавший роли, даже имитирует русский акцент). Ну да, ну да - "о чем еще смотреть пожизненно

заключенным, как не о тюрьмах". Хотя, справедливости ради, в базу, похоже, вообще залили чуть ли не все фильмы, отснятые человечеством со времени появления звукового кино... До сих пор, несмотря на мой интерес к теме побега, этого убожества я избегал. Но после того, как все действительно достойное пересмотрено по несколько раз...

Утверждается, что "фильм снят по реальным событиям". Я поэтому его и выбрал, хотя и знаю, чего на самом деле стоит эта фраза... На экране группа русских уголовников готовит побег. Как и Дюфрейну, им удалось продолбить лаз из своей камеры - ну понятно, что мне эта методика бесполезна... Но если Дюфрейн маскировал проделанную дыру постером с Ритой Хейворт, то русские расстелили там тряпку, на которую ставили еду. Оказывается, в тюремной субкультуре русских уголовников еда считалась чем-то чуть ли не священным, что трогать постороннему "западло". И надзиратели, не желающие давать повод для тюремного бунта, эту самую еду не трогали даже во время периодических обысков в камере. Деликатные, прямо как мои роботы, усмехаюсь я про себя - и тут до меня доходит.

Пауки не трогают еду, когда она в тарелке. И саму тарелку в этом случае не трогают тоже, где бы та ни стояла. Неужели кто-то заложил в их программу и этот древний предрассудок русских уголовников? Или это просто вопрос определения - пока пища в тарелке, она моя еда, а не грязь, и, стало быть, не подлежит уборке и даже перестановке с места на место?

А значит, если я расставлю по тарелке с едой на каждом кругляше зарядного устройства... То в этом случае, надо полагать, необходимость зарядиться возьмет верх над их деликатностью. Но если один зарядник все же оставить, тогда, возможно, приоритеты не поменяются.

У меня нет столько тарелок, но это дело наживное. Если к моменту очередного приема пищи старые будут заняты, автомат изготовит для меня новые. Это все тот же дешевый пластик. Конечно, запасы сырья для его производства ограничены, но, надеюсь, на несколько тарелок мне хватит.

Это работает! Первые две тарелки они не тронули. Я специально заказываю еду, которая долго не портится.

Правда, дождавшись очередного обеда, я получил меньшую порцию. Хмм... ну да, логично. Раз пища, разложенная мною на тарелках, по-прежнему считается моей едой, а не мусором, то компьютер исходит из предположения, что я съем ее позже. В противном случае пауки должны будут ее убрать. Впрочем, я так раскормил их за предыдущие дни, что даже уменьшенная порция все равно больше нормальной. Хотя, очевидно, с каждым разом автомат будет уменьшать ее все сильнее.

Но это ничего. Мне совсем не обязательно накладывать полную тарелку, чтобы занять очередную зарядную площадку. Достаточно небольшого куска...

Готово. Установил последние тарелки. Теперь во всей тюрьме осталась лишь одна свободная площадка для подзарядки - в моей камере. Теперь пауки постоянно пасутся здесь - приходят сюда за едой во всех смыслах. Некоторые уже даже практически не уходят - для них это рационально, здесь для них фронт работ, здесь же и источник энергии. Правда, чтобы регулярно создавать этот фронт, мне приходится раздавать уже всю еду, которую выдает автомат - что, по правде говоря, является изрядным испытанием. Не то чтобы я вообще не мог поголодать несколько дней, если бы вообще отвлекся от мыслей на эту тему, но бросать еду на пол, когда ты голоден, не так-то просто. Ну ничего, пока что у меня достаточно сил, чтобы не нуждаться в принудительном кормлении.

Но даже когда большинство пауков находится здесь, несколько все равно патрулируют другие помещения. Не бывает момента, когда они все одновременно собрались бы здесь. Это плохо. Я хочу запереть их всех в одном месте. Тогда вся остальная тюрьма останется без роботов, обеспечивающих ее бесперебойное функционирование - чем не чрезвычайная

ситуация?

Насчет "запереть" - это, кстати, тоже не так просто. На двери камеры и на перегородке, отделяющей ее от второй половины, имеются защелки - но они электронные, а не механические. Они позволяют закрыться только от сокамерника, а не от компьютера, который может открыть любую дверь в любой момент. Мощность электромоторов, обеспечивающих это, намного превосходит силу человека (и даже двух человек). Все двери тут уезжают вбок, в стену, поэтому забаррикадировать их невозможно, да и нечем.

Тем не менее, кое-чего строители тюрьмы не учли. Поскольку камера рассчитана на двоих, которые могут отгораживаться друг от друга продольной перегородкой, в ней две двери, которые разъезжаются в противоположные стороны. Соответственно, их ручки - единственные во всей тюрьме, находящиеся рядом. И если связать их достаточно прочной веревкой...

У меня нет ни веревки, ни троса, ни ремня, ни какого-нибудь кабеля. Ни какой-либо возможности откуда-то это выковырять. Но, как я уже отметил, кое-чего они все же не учли.

Все последние семь лет я отрашиваю волосы.

Немногие знают, что прочность человеческого волоса примерно такая же, как у стали. Один волос диаметром в пять сотых миллиметра выдерживает нагрузку в один ньютон. Поскольку я блондин и не страдаю облысением, в моей шевелюре примерно 150 тысяч волос. Коса, сплетенная из них, выдержит нагрузку в 150 килоньютонов. Это эквивалентно весу 15 метрических тонн.

Я не женщина, и отрастить косу до пола у меня не получится. Но за семь лет мои волосы выросли до метровой длины. Это, насколько я понимаю, предел - дольше семи лет волосы не живут - но расстояние между дверными ручками почти вдвое меньше. Хватит с запасом, даже учитывая необходимость накрутить достаточно надежные узлы.

У меня не было этого плана, когда я начал их отрашивать. Я принял это решение на другой день после смерти сокамерника, еще не зная, зачем. Может быть, конечно - теперь я уже не поручусь с уверенностью - у меня и мелькала мысль об удавке для самого себя. Но все-таки, я думаю, основная идея была позитивной. Я понял, что это нечто, чего не предусмотрел мой враг, а стало быть, это можно использовать. Пусть даже на тот момент я и не знал, как.

Теперь я знаю.

У меня кончилась еда. Не считая, конечно, той, что разложена по тарелкам - впрочем, теперь это совсем маленькие кусочки. Все остальное я раскидал по полу для пауков, но мне так и не удалось заставить их собраться вместе. Несколько штук все равно остаются снаружи и заходят на подзарядку не раньше, чем зарядятся и отбудут их сменщики. Задача уборки не считается у них максимально приоритетной, даже несмотря на то, что ничем более важным они сейчас не заняты. Подумаешь, ну валяются на полу кусочки эрзац-курицы или эрзац-рыбы, или эрзац-фасоль, или эрзац-орехи (безукоризненно одинаковые шарики). Непорядок, конечно, но ни тюрьме в целом, ни заключенному особого вреда от них нет. Могут подождать своей очереди.

Что ж, попробую использовать другой ресурс, тем паче что только он у меня и остался. Да и он скоро закончится при такой диете. Будем надеяться, что *это* они будут убирать более активно.

Черт, не так-то просто гадить прямо на пол собственного жилища, даже если это тюремная камера. Рефлексы цивилизованного человека противятся. А самое скверное, что мне недостаточно просто сделать это в одном углу. Надо размазать по всему полу, стенам и потолку, чтобы создать паукам максимально широкий фронт работ. Ну, ничего не поделаешь. Дюфрейн не побрезговал нырнуть в канализацию, чтобы выбраться на свободу, а мне даже не нужно погружаться в дерьмо целиком - просто размазать его по всей камере. Я справлюсь...

Меня таки вывернуло наизнанку в процессе. Но это даже хорошо - паукам придется убирать еще и блевотину. Вон они уже топчут, разбегаясь по камере. Давайте-давайте, ребята,

все сюда! Видите, какой здесь срач, в самом буквальном смысле? Вы должны ликвидировать это безобразие как можно скорее, чтобы все блестело и благоухало!

Они стараются. Физически угрозы жизни заключенного по-прежнему нет, но задаче и впрямь выделен более высокий приоритет. Компьютер направил в мою камеру почти все паучьи силы... но ключевое слово - почти. Одного не хватает. Какое-то время я жду, что он появится - не убираться так хотя бы зарядиться - но его все нет. Больше ждать нельзя - его собратья скоро начнут освобождаться от работы. Ну что ж, пора переходить к следующей части плана. Дыша через рот и перескакивая через пауков (некоторые из них, напротив, ползают надо мной по потолку - они могут и это, тот же принцип, что у геконов), я выскакиваю в коридор. Плод моих семилетних усилий, туго сплетенная коса, уже привязана одним концом к ручке соседней двери - осталось накинуть петлю на вторую ручку и затянуть.

Дверь закрывается. Медленней, чем мне бы хотелось, но тут уж ничего не поделаешь - чертова автоматика. И в ее сужающийся проем я вижу, как один из пауков семенит к выходу - не то уже выполнивший поставленную ему задачу, не то привлеченный вонючими следами, оставленными мною уже в коридоре. Пару мгновений я надеюсь, что он не успеет, хотя это глупо - компьютер всегда может придержать дверь для него. Затем убеждаюсь, что он в любом случае выскочит наружу раньше, чем дверь закроется.

Ну уж нет. Хватит мне одного твоего собрата за пределами ловушки. С вами двумя мне не управиться. Как только он оказывается в дверном проеме, я со всей силы пинаю его. Пальцы ноги пронзает боль - это все равно что пнуть кирпич - но он летит через всю камеру обратно к стене. Хотя, конечно, это не поможет, если компьютер оставит дверь открытой...

Но дверь закрывается. Возможно, компьютер не хочет, чтобы опоганенный воздух из камеры распространялся по всей тюрьме, пока его не очистят фильтры.

Я накидываю мой волосяной канат на вторую ручку и затягиваю узел. Потом для верности вяжу еще один.

Прежде, чем я успеваю закончить, дверь дергается. Кто-то из роботов - тот же или другой, возможно, компьютер поменял им приоритеты - хочет выйти. Однако дверь сдвигается не больше чем на четверть дюйма. Ее край все еще внутри стены, никакой, даже крохотной щели не появляется - им не удастся перерезать косу изнутри. Я спокойно довязываю контрольный узел.

Ветерок, создаваемый вентиляцией, непривычно холодит шею. За семь лет я привык к этим волосам. Без них я чувствую себя свободнее.

Свобода, да. Ключевое понятие.

Я отправляюсь на поиски последнего паука.

Долго искать не приходится. Он прибегает сам - не то на все еще источаемый мною запах, не то для того, чтобы освободить товарищей. Компьютер, разумеется, не понимает, что происходит, но уже знает, что возникла некая неполадка, мешающая открыть дверь камеры - причем все, кто мог бы ее устранить, находятся внутри. Кроме одного, что пока еще не делает ситуацию особенно тревожной.

Когда он подбегает ко мне, я просто нагибаюсь и хватаю его. В детстве я любил ловить крабов и ловко хватал их за края панциря так, что они не могли достать меня клешнями. Пауки крупнее - мне приходится задействовать обе руки - и, в отличие от крабов, спроектированы разумным конструктором. На их корпусе нет мертвых зон, куда они не могли бы дотянуться.

Однако паук покорно обвисает в моих руках, даже не пытаясь сопротивляться. Возможно, он ожидает, что я сам отнесу его туда, где нужна его помощь. Ну-ну. Компьютер до сих пор не понимает, что происходит. С его рациональной точки зрения, я должен относиться к ремонтникам и уборщикам, обеспечивающим мое безбедное существование здесь, как к союзникам. Он просто не в состоянии осознать, что у меня другая цель.

Я не могу вывести паука из строя, и запереть его мне тоже уже негде. Если положить его

на спину, он мгновенно перевернется в нормальное положение. Если сесть на него сверху, он вывернется. Когда-то я уже пробовал бросать их в бассейн, но под водой они чувствуют себя так же прекрасно, как и на воздухе. Мне остается лишь держать его, чтобы он не смог освободить товарищей, пока у него не кончится заряд. Это может занять не один час...

Паук начал дергаться. Пока еще деликатно, но он пытается освободиться. Если я поставлю его на пол, у него, возможно, хватит сил вырваться. Но пока я держу его на весу, он практически беспомощен. Проблема в том, сколько я смогу его так продержаться. В нем что-то около килограмма - вроде бы немного, но когда приходится держать такой вес часами... К тому же я голоден. И хочу пить. Но продуктовый автомат остался в камере. Правда, у меня остаются припасы, разложенные по тарелкам. Теперь, когда все (почти все) роботы заперты в камере, я могу использовать эту еду по прямому назначению. Но мои руки заняты пауком. Можно, конечно, отпустить его, а потом снова поймать - но не факт, что на сей раз он мне это позволит, особенно если сочтет, что ситуация уже перешла в разряд чрезвычайных. Они ведь обучаются.

Мышцы ноют. Паук - не сумка с ручкой, его не проектировали для ручной переноски, так что его не слишком удобно держать на весу. К тому же он проявляет все больше активности. По мере того, как тает его собственный заряд, а проблема с "непонятно почему" заклинившей дверью остается нерешенной, приоритеты программы меняются, и "не причинять беспокойства заключенному" опускается в их списке ниже. Не знаю, сможет ли он дотянуться до моей руки шприцем и есть ли у него сейчас соответствующий медикамент, способный меня вырубить. Но предпочитаю не проверять это экспериментально.

Я ложусь на спину и вытягиваю руки вверх, перпендикулярно полу. Теперь я держу паука над головой. Если я его выпущу - если он заставит меня это сделать - он упадет прямо на мое лицо. Килограмм с высоты в три четверти метра. Не знаю, может ли это меня убить, но уж точно нанесет черепно-мозговую травму. А этого его программа допустить не может ни при какой смене приоритетов. Собственно, вся цель существования пауков - в том, чтобы обеспечивать как можно более долгую и здоровую жизнь заключенных.

Кажется, до него это дошло. Перестал дергаться. Ждет, когда я сам опущу его на пол. Ну жди, жди.

Руки уже не просто ноют - боль, кажется, выкручивает их узлом. Зато пальцы совершенно потеряли чувствительность - я слишком долго держу кисти задранными вверх, и они не получают достаточно крови. Кажется, еще немного - и паук выскользнет из них вопреки всем моим усилиям. Я кусаю губы. Проговариваю про себя считалочки, чтобы отвлечься. Пою песни вслух. Ору во все горло самые грязные ругательства, какие могу вспомнить и придумать. Закрываю глаза и снова считаю. Говорю себе, что мне осталось продержаться совсем чуть-чуть - досчитаю до ста и опущу его ко всем чертям. А досчитав до ста, начинаю обратный отсчет, уверяя себя, что вот теперь дойду до нуля и точно всё. Удивительно, но раз за разом этот самообман работает. Предыдущие обещания были понарошку, а вот нынешнее точно всерьез, я же просто физически больше не могу его держать...

- Критически низкий уровень энергии. Необходима срочная подзарядка.

Паук говорит женским голосом! Это так неожиданно, что я начинаю хохотать и из-за этого чуть не роняю его себе на лицо. К счастью, он сам останавливает падение, вцепляясь своими конечностями в мои запястья. Ага, очень хорошо, так и виси. Так мне легче, уже не надо сжимать полностью онемевшие пальцы.

До сих пор я ни разу не слышал, чтобы они говорили. За все двадцать лет. Как в том анекдоте про мальчика, впервые заговорившего в десятилетнем возрасте, чтобы пожаловаться на несладкую кашу - "а раньше всегда сладкая была"... Ну да, ну да. Раньше у них просто не возникало необходимости. А женский голос, наверное, для того, чтобы не путать с сокамерником. Или просто потому, что более высокий тон сильнее привлекает внимание. Интересно, у них у всех голоса одинаковые? Скорее всего, да - как и все остальное.

Он (или она?) предупреждает меня еще несколько раз, каждый раз все более обеспокоенным тоном. И все-таки я упускаю момент, когда он - пусть будет все-таки он, как я привык - вырубается и соскальзывает вниз. В последний миг я все же успеваю дернуть руками в одну сторону, а головой в другую. Паук грохается в сантиметре от моего виска, зацепив согнутыми ногами мою щеку и ухо. И остается лежать неподвижно. Готов!

Со стоном невыносимого облегчения я позволяю рукам упасть вдоль тела. Потом начинаю шевелить ватными пальцами. Чувствую, как тугими звенящими иглами боли наполняет их возвращающаяся кровь.

Наконец я поднимаюсь. И так, у нас имеется: подошедший с голоду паук, заблокированная неведомым способом камера, где находятся все его собраты - которые могли бы исправить ситуацию - и продуктовый автомат, а также заключенный, оставшийся снаружи камеры без источников пищи и без помощи пауков. Это ли не чрезвычайная ситуация? Компьютер, ты знаешь, как ее исправить? Думаю, что нет.

Я иду до конца коридора, упирающегося во внешнюю дверь. Закрываю глаза, представляя себе поляну с одуванчиками. Потом отворачиваю защитный колпак и перекидываю красный рубильник.

Ничего.

Ну да, ну да, понимаю я, когда первая волна злости и отчаяния проходит. Компьютер не знает, что я могу открыть дверь в камеру (кстати после того, как он приложил все силы мотора, чтобы затянуть узлы - может, и не могу), но с его точки зрения все равно ничего непоправимого не произошло. Еда у меня еще есть - разложена по всей тюрьме на тарелках. И под каждой из этих тарелок - действующее зарядное устройство, куда я могу отнести паука. А он, зарядившись, устранит преграду, удерживающую дверь камеры (ему действительно не составит труда перерезать мою косу).

Ну ладно. Победа не всегда достигается в первом раунде. И даже в десятом. Посмотрим, как ты поведешь себя дальше, когда я не стану делать того, на что ты рассчитываешь.

Прошло уже три дня, как я доел все, что было на тарелках. При желании можно было бы растянуть эти запасы на больший срок, но у меня нет цели экономить. Мне нужно, наоборот, форсировать кризис.

Что звучит, конечно, очень правильно, но есть все равно хочется.

А еще - по всей видимости, от голода - у меня начала болеть голова. И получить лекарство негде. Его мог бы выдать либо автомат в камере, либо паук. Вполне возможно, что в брюхе у того, который валяется теперь с севшим аккумулятором, оно имеется. Но что толку - не включая паука, до него не добраться. Я пытался разобрать робота, но на это никаких шансов. Нужны специальные инструменты, которыми вооружены, естественно, только другие пауки. Кто бы доверил их заключенному!

По крайней мере, у меня нет проблем с водой. Душевых (и соответственно туалетов) в тюрьме две - в камере и в спортзале. Плюс еще бассейн в рекреационной.

Постоянные холодные умывания помогают хоть как-то бороться с головной болью. Вообще, головная боль - одно из худших издевательств природы над человеком. Ее трудно переносить, даже когда она умеренная. Она ужасно мешает думать - притом, что сам мозг боли не может испытывать в принципе, там нет соответствующих рецепторов. Мне уже сейчас хочется вскрыть себе череп. Что я буду делать, если она еще усилится? Неужели пойду и выпущу пауков, лишь бы это прекратилось?

Надеюсь, что все-таки нет.

Иду в кинозал смотреть комедии. Никогда их не любил, но мне надо отвлечься. Ничего более серьезного я сейчас воспринимать не в состоянии.

Вот вам и комедия. Сегодня компьютер, устав, как видно, не меньше моего от постоянных призывов "отнести сервис-робота на зарядное устройство", решил попробовать в общении со мной нечто новое. Вместо фильма с полудюжиной комиков разных эпох он вдруг продемонстрировал мне совсем иное, до боли знакомое зрелище.

Мою собственную камеру.

Видимо, отчаявшись решить проблему самостоятельно, он решил показать мне, что там происходит. Причем считает эту информацию настолько приоритетной, что даже лишает меня моего законного развлечения, чего не было еще никогда - даже когда я убил сокамерника.

Хотя, конечно, по-своему это тоже развлечение. Что может лучше развлечь узника, чем возможность самому стать тюремщиком хотя бы для кого-то и наблюдать за страданиями своих собственных заключенных? Пусть даже это просто роботы...

Они разобрали дверь изнутри! Ну то есть не полностью, конечно - это им не под силу. Их конструкторы, очевидно, не предусмотрели необходимость продалбливать мощные тюремные двери и стены насквозь. Но они добрались до мотора и роликов и убедились, что все эти механизмы исправны. Больше им делать нечего, кроме как стоять в бесконечной очереди на подзарядку. Кто-нибудь один все время сидит на площадке, как курица на яйцах, остальные терпеливо ждут. Люди, наверное, уже начали бы скандалить, а то и драться. Но это роботы. Они не способны ни скучать, ни злиться.

Хотя... Я вижу, как из вентиляции выдувает пыль. Серый лохматый клочок кружится в воздухе, медленно опускаясь. И сразу три паука бросаются к нему прежде, чем он успеет коснуться пола. И сталкиваются друг с другом - да так, что один отлетает в сторону! Никогда не видел такого прежде. Пауки всегда координировали свои действия и не мешали друг другу.

Ну да, понятно. Внутри камеры сейчас идеальная чистота - ведь там нет меня, а в закрытом помещении именно человек является источником 99% всей грязи. И никаких других занятий у пауков - после того, как они убедились, что не могут ничего сделать с дверью - тоже нет. В таких условиях приоритет задач, которые прежде считались незначительными, резко возрастает. То есть каждая пылинка начинает восприниматься, как... ну если не катастрофа, то, по крайней мере, проблема, требующая немедленного устранения. Будь программа пауков попроще, пыль так и осталась бы для них просто пылью. Но именно то, что они способны обучаться и адаптироваться... Это как с аллергией. В стерильных условиях, оставшись без настоящей работы, иммунная система начинает бурно реагировать на самые ничтожные раздражители.

Но почему они все-таки столкнулись? Потому что траектория движения пыли в воздухе непредсказуема? Или же... столкнувшись с нерешаемой проблемой - не с пылью, конечно, а с дверью - управляющий пауками компьютер сменил их парадигму с сотрудничества на соперничество?

Эволюционные алгоритмы, имеющие прообразом естественный отбор в живой природе. Когда-то я читал об этом. Вместо того, чтобы действовать сообща под управлением единой программы, каждый, скажем так, экземпляр тестирует свой собственный вариант, получаемый путем псевдослучайных мутаций исходного алгоритма. В итоге та программа, которая окажется наиболее успешной, будет залита всем остальным. Процесс может повторяться итерационно, пока не будет найдено решение. При условии, что его вообще можно найти, хе-хе...

Пыль моментально убрана, но тот паук, что отлетел в сторону, похоже, поврежден. Ну да - клин вышибают клином, а паука может повредить только другой паук. Один из тех, кто отшвырнул его, теперь устремляется к нему, и я невольно жду, что он добьет поверженного соперника. Но нет. Сотрудничество вновь берет верх над конкуренцией, и он принимается за ремонт.

Повреждение, по всей видимости, незначительно, и ремонт заканчивается быстро. Интересно, что третий участник столкновения игнорирует происходящее - то ли потому, что

одного ремонтника более чем достаточно, то ли в его версии программы функция сотрудничества получила слишком низкий приоритет. Стану, мол, я тратить на тебя свою энергию, когда у нас тут один зарядник на всех... Но если он и впрямь подумал нечто подобное, то его ждет разочарование. В этот момент как раз очередной паук кончил заряжаться, и к площадке направляется следующий. Но вдруг он останавливается и пропускает того, который перед этим отремонтировал товарища. Ну да, ну да. Молодец, хороший робот, на конфетку. То есть - потратил больше энергии на полезное дело, получи более высокий приоритет в очереди на зарядку. Возможно, коль скоро роботы не размножаются, этот самый приоритет как раз и является критерием отбора. При равном распределении энергии хватило бы всем - конструкторы рассчитали все так, чтобы всему стаду пауков хватало даже одного зарядника. Но раз нам нужна эволюция и конкуренция - тот, кто менее полезен, получает меньше электричества и в конце концов выбывает из гонки.

Вот только учитывает ли электронный судья, что самый полезный робот, только что не только раньше всех убравший мусор, но и отремонтировавший товарища, прежде сам же оно и повредил? Не нарочно, конечно. Все эволюционные изменения начинаются с некой случайности, которая внезапно оказывается выгодной...

Кажется, я начинаю привыкать к голоду. Голова больше не болит, только слегка кружится, особенно при резкой смене позы. В какой-то мере это бывает даже приятно - но понятно, что так не может продолжаться до бесконечности. Тренажеры я, естественно, забросил (и компьютер, надо отдать ему должное, не напоминает мне о них) и вообще стараюсь двигаться как можно меньше. Экономлю силы. Иногда выбираюсь в рекреационную комнату посидеть на моей одуванчиковой поляне. Но в основном провожу время в кинозале, наблюдая за тем, как развивается эволюция в камере.

А она развивается. Принцип "кто делает больше работы, получает больше энергии" остается в силе. А случайное открытие первого паука уже подхвачено остальными: лучший способ сделать больше работы - создать ее себе самому. Сломать то, что потом будешь чинить. Причем чем серьезнее ущерб ты нанесешь, тем больше будет награда за его исправление!

Сперва я удивлялся, как создатели пауков могли проворонить такой глюк. Потом я понял. Роботам-ремонтникам нельзя заложить безусловный запрет что-либо портить. Это все равно что запретить хирургу резать больного. Для того, чтобы добраться до поврежденного узла, вполне может потребоваться что-то вскрывать и демонтировать. В том числе и нечто само по себе исправное. И в том числе даже и необратимо, если это необходимо для более приоритетной задачи. Важен конечный результат, а не действия в процессе. А уж когда вместо следования жесткой рациональной процедуре система начинает искать решение ошупью, через мутирующие алгоритмы...

То возникают все более интересные последствия. Во-первых, пауки, которых ломают, а потом чинят, начинают понимать, что, хотя физически они в итоге остаются в порядке, для них самих это проигрышная стратегия. Пока они пассивно ждут ремонта, энергию получают другие. Соответственно, они начинают защищаться. Изначально у них не было такой функции. Только уклонение от агрессии, как у того паука, которого я топтал, но никак не ответное нападение. Однако пассивное уклонение в запертом помещении, полном желающих разобрать тебя на части, оказалось не лучшей стратегией, так что пауки научились контратаковать. Довольно забавное зрелище - смотреть, как два ремонтника пытаются разобрать друг друга, используя все имеющиеся у них инструменты. Причем схватки становятся все быстрее и... яростнее, при всей некорректности этого термина применительно к роботам. Но когда глядишь на их битву, забываешь, что он некорректен...

Во-вторых, у пауков возникает прослойка паразитов. Или хитрозадых, как я их называю. Вместо того, чтобы участвовать в битве самим, они ждут в сторонке, пока или один, или другой

паук выведет противника из строя (и, вполне вероятно, сам тоже получит повреждения). И тогда они, сами не получившие ни царапины, кидаются чинить обоих! Зарабатывая при этом очки за самую эффективную стратегию - ведь им не приходится тратить ресурсы на бой. Однако паразиты могут процветать лишь пока в популяции существует достаточное количество "бойцовых" пауков - иначе им, естественно, не на ком будет паразитировать...

Следующим закономерным шагом становится кооперация. Но не всеобщая, как в изначальные времена (так и представляю себе пауков, рассказывающих - женскими голосами, ага - легенды об утраченном золотом веке всеобщего мира и гармонии), а в малых группах или, если угодно, бандах, противостоящих всем остальным. Некоторые из этих групп неспециализированные и просто нападают толпой на одного. Но эволюционный выигрыш получают те группы, в которых развивается специализация на бойцовых и хитрозадах. Бойцовым не приходится тратить ресурсы на ремонт, хитрозадам - на бой. Причем бойцовые не только загоняют и заваливают добычу (а то и отбивают ее у другой группы), но и охраняют своих хитрозадых и отгоняют чужих.

И виртуальный судья, ведающий распределением энергии, принял групповую тактику - то есть приоритетность зарядки каждого робота определяется уже не его личными достижениями, а успехами группы, к которой он принадлежит. Ну а почему нет, собственно - кто сказал, что программа должна бороться с кооперацией? Этот фактор, впрочем, ограничивает рост групп, поскольку в слишком большой группе появляются уже не хитрозадые, а самые настоящие паразиты, стремящиеся не делать вообще ничего и питаться электричеством за счет общих групповых успехов - и, более того, даже предатели, нападающие на не ожидающих удара своих! Естественно, такая группа проигрывает в конкурентной борьбе более компактной, в которой честно работают все.

Наблюдение за ними становится таким захватывающим, что я уже почти не вспоминаю о еде. Круглосуточное реалити-шоу, ага. Мешает только то, что внешне они все одинаковые - а то бы я, наверное, уже болел за какую-нибудь команду. И даже делал бы ставки на тотализаторе. Пластиковыми тарелками. Выигрывая сам у себя.

Сил у меня остается все меньше. Вставать приходится, держась за стену - в глазах темнеет, и я боюсь грохнуться. Впрочем, у меня нет особой необходимости вставать - разве что чтобы добраться до туалета. Но, по правде говоря, это можно делать и на четвереньках. Необходимость ходить - это предрассудок. Все остальное время я провожу в кинозале. Я перетащил сюда маты из спортзала. Спать на голом полу больно - я почти утратил смягчающую жировую прослойку между костями и кожей

Я все же надеюсь, что... хотя, на самом деле, с логической точки зрения не очень понятно, чего я надеюсь дожидаться прежде, чем у меня окончательно иссякнут силы. Того, что пауки найдут способ выбраться из камеры и тем подскажут мне, как выбраться из тюрьмы? Но я прекрасно знаю, что внешняя дверь и стены гораздо прочнее тех, что разделяют помещения тюрьмы внутри (хотя и эти тоже весьма прочны). Того, что компьютер сам распахнет внешнюю дверь, чтобы спасти меня от голодной смерти? Тоже вряд ли. С его точки зрения, насколько я понимаю, вообще не существует никакого внешнего мира. Он - царь и бог замкнутой тюремной вселенной, обязанный решать все проблемы исключительно в ее рамках и ее средствами. Конечно, зачем-то аварийный рубильник все же существует. Очевидно, на тот случай, если компьютер либо выйдет из строя (но на такое счастье мне рассчитывать не приходится - даже без ремонтных пауков он, боюсь, способен работать десятилетиями), либо признает, что угроза функционированию тюрьмы и жизни заключенного не может быть устранена. Но он этого не признает. Он знает, что я в любую минуту мог бы зарядить оставшегося снаружи паука и позволить ему обследовать дверь камеры с внешней стороны. Более того, он продолжает регулярно советовать мне это (чертов электронный идиот до сих пор не понял, что я не

собираюсь следовать его советам!) Стало быть, пока я этого не сделал - возможные меры не исчерпаны и переходить к самому крайнему нет необходимости.

В конце концов, никто и в самом деле не заставляет меня умирать от голода, я могу в любую минуту сдаться и все это остановить. Точнее - вернуть, как было. Смириться. Капитулировать.

Но это мы еще посмотрим.

А посмотреть есть на что. Я имею в виду - в камере. Там произошли качественные изменения.

До сих пор, несмотря на все более яростные баталии между пауками, жертв в них не было. Всех сломанных тут же чинили - ради чего, собственно, и ломали. И даже проигравшие в эволюционной борьбе, в отличие от живой природы, не выбывали из нее насовсем. Когда их уровень энергии падал до критического, им просто перезаливали программы победителей, и начинался новый раунд. Будь у них хоть капля разума, можно было бы, конечно, спорить, те ли же это пауки или уже новые личности, но, во всяком случае, их тела оставались неизменными, как и общее количество пауков.

Но теперь, с одной стороны, проявилось то, чего я ожидал уже давно - дефицит невозобновляемых ресурсов. Электричество к таковым не относится, а вот запас химических реактивов запертым в камере паукам пополнить негде - в норме они это делают где-то в глубине служебных помещений. А обязанности убирать пыль, пусть ее теперь и совсем мало, с них никто не снимал. Что еще более существенно, ожесточение боев стало приводить к поломкам, которые уже нельзя исправить "на коленке". Требуется запчасти, которые пауки самостоятельно изготовить не в состоянии.

Соответственно - уж не знаю, кто из них первый до этого додумался (скорее всего - очередная случайная мутация алгоритма), но теперь у пауков началась охота за трофеями. У побежденных стали изымать сперва реактивы, а затем и отдельные детали. Правда, их все же чинят до минимально работоспособного состояния, чтобы получить причитающуюся за ремонт награду. Но эти еле ползающие калеки уже не способны конкурировать на равных с пауками-победителями, какую программу в них ни заливай. А победители, в свою очередь, получив доступ к новым деталям, уже не просто чинят себя после боев - они начали себя модифицировать, наращивая собственную боевую мощь.

Таким образом, пауки меняются уже и физически, распадаясь на три класса. Победители специализируются в солдат и рабочих (бывших хитрозадых). А проигравшие становятся жертвами, которых можно сравнить со скотом, каковой сначала доят, а потом, когда доить будет уже нечего, очевидно, зарежут окончательно. То есть разберут на последние запчасти. Тогда, очевидно, вместо атак на легкую добычу солдатам снова придется сражаться друг с другом, пока... пока что? Не останется последняя пара из самого крутого суперсолдата и пережившего всех прочих рабочего? Пауки в банке, вот уж воистину... И после того, как они тоже не смогут вскрыть дверь, компьютер таки признает тупик?

Нет. Эволюция сделала новый неожиданный финт. Удивительно, но на сей раз толчком для нее стала одна из жертв, на которую я уже смотрел как на отработанный и обреченный материал.

Этот самый лузер, низведенный из бойцов в скотины и понимающий (на основе сравнения характеристик), что в бою ему уже ничего не светит и даже в рабочие его, увечного, не возьмут, все-таки открыл для себя способ получить заветный энергетический паек. Кто сказал, что ломать, дабы потом чинить, можно только других пауков? Ведь куда проще проделывать это с другим оборудованием тюрьмы, которое и не думает сопротивляться!

Он раскурочил продуктовый автомат и раскидал по камере ингредиенты для приготовления пищи, создав двойной фронт работ. При этом, в силу собственной ущербности,

сам устранить учиненный им беспорядок он не мог - оставшиеся у него детали позволяли только портить. Соответственно, он обречен был загнуться без энергетического пайка, если бы "солдаты" не добились его раньше. Но одна из групп взяла такого эффективного разрушителя под защиту!

Дальше понятно. У лузеров появилась экологическая ниша, дающая шанс на выживание. Успешная стратегия копируется неуспешным, и из бывшей скотины вылупляется новый класс - разрушители.

В принципе, конечно, солдаты, в силу своей специализации, тоже уже способны только ломать, а не чинить. Но солдаты эволюционировали в боях с противником. Значительная часть их функционала нужна только или преимущественно для обороны. Это как танк, огромная часть КПД которого уходит на то, чтобы тащить на себе тяжелую броню. А если всю броню с него снять, то, конечно, в бою с другими танками он не жилец, зато в уничтожении незащищенных целей получит конкурентное преимущество.

В камере идет перманентный погром, причем, похоже, баланс между разрушением и починкой все больше смещается в пользу первого. Ломать не строить, да. Разрушители даже не задумываются, смогут ли они или члены их группы исправить результаты их действий. Они просто стремятся разрушить как можно больше. Но неужели компьютер - то есть тот программный модуль, который выступает в роли судьи, распределяющего энергию - этого не видит и будет поощрять явно деструктивное направление эволюции? Хотя, возможно, он просто дает новой стратегии шанс, не зная заранее, к чему она приведет. В конце концов, больной в середине операции выглядит хуже, чем до ее начала - равно как и механизм, разобранный для ремонта - но это не повод прерывать процесс на середине. Возможно, компьютер надеется, что мутирующим во все более разрушительную сторону роботам все же удастся открыть дверь (они, конечно, уже пробовали сверлить, резать и плавить ее, но она по-прежнему слишком для них прочна, а потому, следуя новой стратегии, разрушители мигом переключились на более легкую добычу)...

По полу камеры разливается вода. Они разнесли санузел. Несколько пауков, в ходе боев и модификаций утратившие герметичность, застывают на месте. Становясь новой добычей как охотников за трофеями, так и ремонтников и тем самым наделяя разрушителей дополнительными очками...

И тут, похоже, терпение виртуального судьи заканчивается. Он меняет приоритеты. Разрушение больше не поощряется как часть полезной для группы в целом активности. Теперь энергию получают только рабочие, наводящие порядок и не имеющие боевого функционала. То есть по сути вернувшиеся к первоначальной роли пауков. Конец истории? От чего ушли, к тому и пришли? С той, правда, разницей, что теперь "нормальных" пауков осталось гораздо меньше...

Нет. Солдаты из числа охотников за трофеями не желают с этим мириться. Они атакуют рабочих, едва те зарядятся, достают из них "полные" аккумуляторы и ставят вместо них свои "пустые".

Эксперимент вышел из-под контроля. Теперь роботы с приоритетом на разрушение больше не зависят от оценок судьи. Они просто берут свое явочным порядком. Судья, конечно, может вообще отключить зарядник, обрекая на голодную смерть - точнее, анабиоз - всех пауков в камере (а стало быть, и во всей тюрьме). Но тогда вернуть их - хотя бы рабочих - к жизни будет уже некому. А это катастрофа эпического масштаба. Тюрьма не может функционировать без пауков - во всяком случае, длительно и устойчиво.

Пока я думаю, как компьютер будет решать эту проблему, экран гаснет. Разрушители добрались до камер наблюдения.

Кажется, я сплю. Или нет? Сложно сказать. Я теперь практически все время пребываю где-то между сном и явью, в полубомрачном состоянии. Пару раз мне казалось, что я пошел и

выпустил пауков, но потом оказывалось, что это был только сон. Я не знаю, что было бы, если бы я проделал это в реальности. Совсем не уверен, что продуктовый автомат теперь работает.

Кинозал, по крайней мере, не работает точно. С тех пор, как прервалась передача из камеры. Почему нет сигнала оттуда - понятно, но фильмы я почему-то тоже смотреть не могу. То ли компьютер пытается таким образом чего-то от меня добиться, то ли просто возникла некая поломка за пределами камеры. К которой пауки, конечно, не могут иметь отношения, но которую теперь попросту некому исправить.

Впрочем, неважно. Мой мозг уже настолько оупел от голода, что не в состоянии воспринимать сюжет фильмов.

Я перебрался в рекреационную. Тут пока еще все работает. Сутками напролет валяюсь на берегу моего ручья или лежу в бассейне с теплой водой, которая окончательно уничтожает ощущение времени и реальности происходящего. Иногда мне кажется, что я уже умер.

Сквозь сон я слышу плеск. Ну да, это плеск воды в ручье. Хотя обычно его заглушает шум водопада. Наверное, это плещет рыба. Где-то ниже по течению. Форель. В таком ручье могла бы водиться форель...

Но прежде, чем снова погрузиться в сон, я вспоминаю, что никогда прежде не видел и не слышал здесь рыбу. А ведь я провел на поляне с одуванчиками столько часов... и тогда моя голова работала лучше, чем сейчас. Программа. Это ведь программа, которая крутит одну и ту же запись. С небольшими вариациями, да, чтобы убрать ощущение зацикленности - но эти вариации касаются порядка фрагментов, а не их содержания. И если раньше здесь никогда не было рыбы...

И источник звука... он был, пожалуй, слишком уж ниже по течению. Если бы ручей был настоящий, все это было бы естественно. Но под моими пальцами гладкий пол, а не трава, и это не позволяет мне снова забыть, где я. Я нехотя разлепляю глаза, смотрю в направлении звука - и понимаю, что он шел из-за стены. Из спортзала.

Там, разумеется, не может быть никаких источников звуков, если только это не призрак моего сокамерника. Я решаю, что мне приснилось, и снова закрываю глаза.

Плеск повторяется.

Я встаю... то есть я встаю на четвереньки и ползу в спортзал.

Там, конечно же, никого нет. Только покрывшиеся слоем пыли тренажеры. А затем я слышу, как что-то шлепается на пол и волочится. Я поворачиваю голову и вижу, как оно выползает из туалетной кабинки.

Один взгляд на него вызывает отвращение. Это какой-то мокрый пучок щупалец, за которым волочится требуха. Он ползет ко мне, быстро перебирая этими щупальцами - или все-таки многосуставчатыми ногами? - и оставляя за собой мокрый след. У него вид чего-то раздавленного, изуродованного, полуразложившегося, но все еще живого.

Но, разумеется, ничего живого в нем нет. Это паук. То, что когда-то было пауком. Теперь у него нет корпуса и, насколько я понимаю, многих других деталей. Оставлен лишь самый минимум, позволяющий двигаться. В биологических аналогиях, это теперь что-то вроде скелета, из которого удалена центральная часть - остались лишь кости конечностей, оплетенные мышцами и сухожилиями, за которыми на кишках и сосудах волочатся внутренние органы, оказавшиеся теперь снаружи, ибо места внутри больше нет. Определенно не то строение, которое приходит в голову при слове "жизнеспособность". Зато позволяющее протиснуться сквозь узкую трубу.

Нормальные пауки не способны пролезать сквозь канализационные и водопроводные трубы (как и через трубки, по которым подаются ингредиенты продуктового автомату). Они могут прокачивать через них под давлением жидкость (на самом деле коллоидную суспензию наночастиц), которая чистит трубы и запечатывает повреждения - и этого вполне достаточно для обычных задач. Лезть внутрь у пауков нет ни нужды, ни возможности - их корпус слишком

велик. Но после нескольких поколений киберэволюции...

Вполне возможно, что изначально этот паук даже и не стремился решить таким образом главную задачу, некогда поставленную перед ними всеми компьютером - открыть выход из камеры. Просто, изуродованный и раздербаненный более удачливыми собратьями, он искал способ спастись от них, забившись в такое место, куда они не смогут за ним последовать. И таким местом оказалась канализация. Эволюцию движут неудачники. Успешным нет смысла развиваться, у них и так все хорошо.

И вот теперь он выбрался из унитаза в спортзале и оказался за пределами своей тюрьмы. Прямо как Дюфрейн, ага.

Но что-то у меня нет желания приветствовать этого "Дюфрейна". Даже несмотря на то, что он выглядит совсем маленьким и жалким. Интересно, кстати, что, несмотря на отсутствие корпуса и болтающиеся "на соплях" детали, его не замкнуло под водой. Не так уж он убог, как кажется...

Я отползаю в сторону с его пути, думая, что делать, если он последует за мной. Хорошо бы все-таки встать в полный рост и двинуть его ногой. Возможно, теперь, когда его не защищает панцирь...

Но ему нет до меня дела. Он с удивительной для столь жалко выглядящей конструкции скоростью проползает мимо в открытую дверь и дальше в коридор. Я слышу удаляющийся шорох.

Я все-таки поднимаюсь на ноги - медленно и осторожно, придерживаясь руками за стенку, чтобы не грохнуться в обморок. Затем выхожу вслед за ним. Я уже догадываюсь, куда он направляется.

Чудом вырвавшийся на свободу, он спешит обратно к камере.

Но, конечно, не для того, чтобы променять пугающую и одинокую свободу (свободу, ха-ха!) на привычную тюрьму, где он снова окажется в самом низу иерархии, но зато в коллективе. Он просто выполняет программу. Задачу, поставленную перед ними всеми - разблокировать дверь.

Я все еще туго соображаю. Надо... догнать... его. Остановить его. Не дать ему выпустить остальных. Иначе все напрасно... Но - раз один открыл путь, теперь за ним последуют другие. Как мне их сдерживать, когда они повалят из унитаза целой толпой? Все время сидеть сверху? Остановит ли их это... Ладно... решать проблемы по мере поступления...

Я иду за ним. Хотя, возможно, мне следовало бы бежать, но теперь это выше моих сил. Поэтому я настигаю его, когда он уже висит на двери и всю режет мой волосной канат. Кажется, он использует для этого раскаленную вольфрамовую нить. Я подхожу и дергаю его прямо за болтающийся аккумулятор в надежде оторвать таковой.

И неожиданно получаю удар током, отбрасывающий меня назад.

Этого не может быть, обалдело думаю я, привалившись к стене коридора. Пауки не могут причинять вред заключенным. Инъекции, принудительное кормление, все, что требуется в медицинских целях, для поддержания нашего здоровья - да. Но никак не агрессия, цель которой - не вылечить, а причинить боль!

Возможно, это было непреднамеренно. Просто моя попытка оторвать аккумулятор нарушила изоляцию. Но что-то мне в это не очень верится. В норме у пауков не должно быть такого высокого напряжения. Во что могла трансформироваться их программа? Как могли раздвинуться рамки? Поддерживать жизнедеятельность заключенных как можно дольше - это их высший приоритет, который не может быть отменен никакими мутациями. Это прошито в неизменяемую область памяти. Но ведь он, строго говоря, меня и не убил...

Пока я думаю над этим, он вдруг срывается и падает. И неподвижно застывает на полу, растопырив суставчатые конечности, словно исполнившая свой долг личинка Чужого из древнего фантастического фильма. Впрочем, исполнившая ли? В воздухе пахнет горелым

волосом, но канат все еще не дорезан до конца. Видимо, он исчерпал свой аккумулятор. Возможно, этот удар током был лишним.

Однако компьютер уже знает о проделанной работе. Обе двери дергаются в противоположные стороны - и на сей раз мощности моторов хватает, чтобы разорвать оставшуюся перемычку.

И из распахнувшейся двери толпой вываливают они.

Они не такие, каких я "кормил", и даже не такие, какими я видел их в последний раз на экране. После всех битв и модификаций вид у них весьма экзотический - в ход явно шли не только детали других роботов, но и вообще все, что можно было приспособить в камере. Поэтому, видимо, ни один не является точной копией другого. Их стало меньше - больше трети, очевидно, схарчили без остатка, полностью разобрав на запчасти. Зато некоторые суперсолдаты теперь в несколько раз крупнее нормального паука. И все так и утыканы всевозможными колюще-режущо-сверляще-дробяще-жгущими инструментами. Впрочем, и копошащаяся под их прикрытием мелюзга тоже не кажется такой уж безобидной, особенно после только что полученного мною опыта.

И теперь все они, стуча конечностями и шелкая сочленениями, направляются ко мне. Я невольно делаю шаг назад, но они охватывают меня полукольцом, прижимая к стене. Вырвавшиеся на свободу узники, наконец-то получившие возможность поквитаться со своим тюремщиком. Забывшие, что на самом деле все с точностью до наоборот...

Нет, конечно, все это антропоморфные глупости. Они не способны испытывать эмоции, и уж тем более жажду мести. Забота о моей жизни и здоровье - их наивысший приоритет. Ну конечно же! Они знают, что я не ел целый месяц - или сколько там, я уже потерял счет дням - и сейчас их главная задача - вывести меня из голодовки. Вот что им от меня надо!

- Спокойно, ребята, - говорю я, удивляясь, как хрипло звучит мой голос. - Обойдемся без принудительного кормления. (Сохранились ли у них, кстати, ингредиенты для такового? Далеко не факт...) Я надеюсь, вы привели в порядок продуктовый автомат?

Естественно, они не понимают человеческую речь. Но мои намерения они должны понять, и я шагаю к двери камеры, по направлению к автомату, не сомневаясь, что они привычно расступятся с моего пути.

И тут же мою лодыжку прознает острая боль.

Вскрикнув, я рефлекторно отфутболиваю прочь того, кто это сделал, и успеваю заметить кровь, сочащуюся сквозь разрезанную штанину.

И тут до меня, наконец, доходит. Моя жизнь и здоровье - их высший приоритет, да. Но они уже имеют отработанный алгоритм решения приоритетных задач. Один член группы создает проблему, чтобы другой мог ее решить и получить награду, которая потом делится между участниками. Они не убьют меня, о нет. И не позволят умереть. Они будут меня резать, жечь и ранить прочими способами - чтобы потом все это лечить. Снова, и снова, и снова.

Я перепрыгиваю через них и бросаюсь бежать по коридору. Один успевает вцепиться мне в ногу, но я умудряюсь его стряхнуть. Не думал, что в своем нынешнем состоянии я еще способен на подобные подвиги, но ударный выброс адреналина творит чудеса.

Они гонятся за мной всей толпой. По полу, по стенам и потолку. И, конечно, в замкнутом пространстве тюрьмы погоня не может длиться долго. Она заканчивается в рекреационной. "Лагуна!" - кричу я, вбегая. Мою одуванчиковую поляну сменяет тропический морской берег, и вода с шумом наполняет раскрывшийся бассейн. Я прыгаю туда, хотя понимаю, что мне это не поможет. Они не боятся воды. Может быть - некоторые, после модификаций, но определенно не все.

Они окружают бассейн по периметру. Прыгать в воду они почему-то все-таки не спешат. Может быть, потому, что в воде плохо сворачивается кровь и плохо нагревается жало паяльника. Но это, очевидно, лишь временная отсрочка.

- Компьютер! - ору я. - Останови этих маньяков, ты, чертов электронный идиот!

Разумеется, это бесполезно. Во-первых, он не понимает таких команд, а во-вторых, если бы он мог, то, надо полагать, сделал бы это раньше. На его месте я бы делал бэкап перед каждым обновлением программ пауков. Но он, похоже, пренебрег этим полезным правилом. А может быть... да, скорее всего сражение, длившееся весь этот месяц, шло не только между физическими телами пауков. Но и между управляющими ими программами в памяти, где темпы эволюции могли быть гораздо выше. И нынешние программы настолько круты, что заблокировали возможность собственного удаления и отката к предыдущим версиям. Если бы мой сокамерник был жив, он бы, возможно, объяснил это лучше...

Что-то - интуиция или блик на поверхности воды - заставляет меня поднять голову в тот самый момент, когда один из роботов прыгает на меня с потолка. Я успеваю уклониться, и он шлепается в воду. Но это словно служит сигналом, и другие тоже начинают прыгать в бассейн. Я пытаюсь уворачиваться, но снова чувствую острую боль. Вода, смешанная с кровью, вскипает вокруг меня, как в фильмах, где персонаж оказывается в реке с пираниями...

И вдруг все прекращается. Пауки (теперь уже менее похожие на пауков), все еще остающиеся на суше, застывают неподвижно. Одного из них паралич разбивает прямо в момент прыжка, и он неуклюже шлепается брюхом на край бассейна, даже не пытаюсь смягчить приземление при помощи конечностей.

У меня в голове рождается бредовая мысль, что сейчас мне скажут: "Улыбнитесь, вас снимала скрытая камера!" Все эти двадцать лет, ага.

Но вместо этого я слышу другое:

- Внимание, производится перезагрузка центрального компьютера. Возможна неработоспособность некоторых систем в течение двух минут.

Все-таки до электронного кретина, наконец, дошло, что происходит что-то не то. И он сделал то единственное, что еще мог, чтобы уничтожить все достижения паучьей эволюции и восстановить их первоначальные программы. Восстановить их первоначальный физический облик будет теперь, правда, несколько сложнее, но это уже...

И тут до меня доходит. Перезагрузка! В течение двух минут - или сколько там осталось, пока я предавался философским размышлениям - компьютер не контролирует системы тюрьмы! Включая (наверное!) рубильник аварийного открытия внешней двери!

Я вылезая из бассейна, расплескивая воду. Действие адреналинового прилива заканчивается, вот-вот снова навалится дурнота и слабость. Но мне нужен... еще один... последний... рывок! Пока эта консервная банка не успела перезапуститься!

Я снова бегу по коридору. Бегу чуть ли не быстрее, чем только что, когда удирал от пауков - но теперь в обратном направлении. Сердце колотится где-то в горле, я чувствую кровавый привкус во рту, перед глазами роятся черные точки, грозя слиться в сплошную пелену, которая поглотит все. Минута, у меня всего минута или еще меньше... Я врезаюсь всем телом во внутреннюю дверь, которая уходит в сторону (как же медленно!), пропуская меня в тамбур. Вот она, внешняя дверь. Мокрые пальцы скользят по гладкой полусфере защитного колпака, и я бы орал от злости и отчаяния, но после этого безумного спринта могу лишь хватать ртом воздух, как выброшенная рыба. Наконец колпак поворачивается. Кулак стискивает рубильник. До упора вниз. Поздно, наверняка уже слишком поздно...

Взрывает сирена, и начинает пульсировать красный свет. Мне плевать на эти сигналы тревоги. Здесь нет никакой охраны. Они слишком надеялись на автоматику.

Одуванчики, я иду к вам.

Тяжелая бронированная дверь резко распахивается. Снаружи непроглядная ночь. Я вижу только усеянное звездами небо.

В следующий миг чудовищная сила толкает меня в спину и вышвыривает во тьму.

Кувыряясь в пустоте, я вижу, как быстро удаляется округлый бок моей тюрьмы. И

прежде, чем успеваешь вскипеть моя кровь, а глаза покрыться льдом, я вспоминаю, кто я и почему я здесь.

Но все равно. Лучше уж так. Я не жалею о том, что наконец-то свободен.
Кажется, в открытом космосе человек может прожить около мину...

* * *

Было около двух часов пополудни. Июньское солнце безмятежно сияло в безоблачном небе, щедро делясь своим золотом с торопливой водой ручья, струящегося из каменной чаши под водопадом, и усеявшими поляну бесчисленными одуванчиками. Над струями водопада висела прозрачная радуга. В лесу перекликались птицы. В воздухе, приятно пахнущем хвоей и смолой, было разлито ощущение тепла и покоя.

Но лицо человека, сидевшего на берегу ручья - красивое лицо молодого статного мужчины, облаченного в красивый темно-синий мундир с золотыми нашивками - было безнадежно угрюмым, как у того, кто только что узнал о самой страшной потере в своей жизни. О потере, которую не получится просто оставить в прошлом и жить дальше. О потере, которая кладет конец всему, что доселе наполняло жизнь смыслом.

Так оно, собственно, и было.

Его глаза были сухими. Он ни разу не плакал с семилетнего возраста. Если бы не чрезвычайная эмоциональная устойчивость, продемонстрированная во всех тестах, он бы не получил место командира Третьей Межзвездной.

Бывшего командира бывшей Третьей Межзвездной. Точнее - никогда не бывшей и никогда уже не будущей. Во всяком случае - никогда уже при его жизни. Совет принял окончательное решение. Все апелляции отклонены. Проект закрыт. Третий звездолет планеты Земля никогда не будет достроен. То, что уже успели выстроить, будет сведено с орбиты и сгорит в атмосфере (демонтировать и возвращать на Землю по частям было бы нерентабельно). Компании, вовлеченные в работы на данном этапе, получают неустойки согласно своим контрактам (несравнимо меньшие, чем полная стоимость проекта, если бы он был доведен до конца, как постоянно подчеркивали его противники. Их любимым тезисом было "каждый звездолет обходится человечеству дороже, чем вся Вторая мировая война в пересчете на современные цены" - как будто Вторая мировая война была таким замечательным событием.) Всем спасибо, все свободны.

Окончательным гвоздем в гроб проекта стала все-таки не его стоимость - которая, в конце концов, была известна с самого начала - а пропагандистская кампания, убедившая общественное мнение, что "все эти деньги будут просто выброшены в безвоздушное пространство, как и в двух предыдущих случаях". Хотя, строго говоря, не доказано, что вторая экспедиция тоже закончилась трагически. С ней просто потеряна связь, но это еще ничего не значит...

Но для большинства - очень даже значит, особенно когда такую позицию подкрепляют авторитетные психологи, опирающиеся на новомодные компьютерные модели. Мол, шансы на то, что два человека, обреченные на пожизненную абсолютную изоляцию в замкнутом пространстве в обществе друг друга, сохраняют здоровую психику и работоспособность - минимальны, и никакое предварительное тестирование на Земле или даже на орбитальной станции не релевантно.

"Космос не предназначен для человека." Эту фразу твердили многие, начиная с XX века, и теперь она, кажется, восторжествовала окончательно.

$v=c \sqrt{M^2 - m^2} / (M^2 + m^2)$. Все дело в этой формуле, определяющей, до какой максимальной скорости может разогнаться корабль на фотонной тяге. Здесь c — скорость света, M — начальная масса корабля вместе с топливом, а m — масса после того, как топливо будет израсходовано. Отсюда видно, что скорость будет стремиться к световой только тогда, когда

отношение массы топлива к массе корабля будет стремиться к бесконечности. Причем в полете с возвращением соотношение возрастает в четвертой степени - кораблю надо разогнаться, потом затормозить, а потом снова разогнаться и затормозить на обратном пути. Отказ от возвращения несколько облегчает положение - в техническом, разумеется, смысле. Но все равно максимальная практически достижимая скорость остается слишком низкой, чтобы релятивистские эффекты значительно сократили время на борту. Проекты солнечных парусников и прямоточников, собирающих на околосветовой скорости водород для реактора прямо в космосе, так и остались красивой, но не реализуемой на практике фантазией. Так что полеты даже к ближайшим звездам, у которых астрономы обнаружили потенциально обитаемые планеты земного типа, должны занять десятилетия по бортовому времени, и от этого никуда не деться (что, кстати, дополнительно лишает идею возвращения смысла - астронавты до него просто не доживут). И даже в этих условиях экспедиция становится возможной лишь при максимальном облегчении массы корабля. Поэтому - не более двух членов экипажа, чья задача - прибыв к планете, исследовать ее дистанционно управляемыми зондами (также совершающими посадку без возвращения), проанализировать собранную информацию и отправить по радио отчет, который спустя десятилетия достигнет Земли. Дальше - доживать свой век на орбите открытого мира, без возможности высадиться даже в том случае, если планета действительно пригодна для жизни (спускаемый аппарат, рассчитанный на людей, был бы слишком тяжел). Если, конечно, там не обнаружатся летающие в космос инопланетяне, готовые приютить гостей - что очень вряд ли...

Тем не менее - желающих лететь нашлось достаточно. В первую экспедицию предсказуемо отправили мужа и жену, отобрав их из тысяч приславших заявки семейных пар.

Проблемы начались на восьмом году по бортовому времени. Радиограммы с борта начали поступать с перебоями, а затем очередная из них сообщила о беременности женщины. Это было, разумеется, совершенно невозможно - система жизнеобеспечения корабля была рассчитана строго на двоих, и мужчина был стерилизован еще на Земле. Но в радиограмме, отправленной, видимо, женщиной, говорилось, что мужчина изменил программу сервис-роботов, оказывавших в том числе и медицинскую помощь экипажу, и заставил их вылечить его от искусственного бесплодия. Следующая радиограмма, отправленная, очевидно, мужчиной, утверждала, что все это неправда и всего лишь плод фантазий и самовнушения его жены. Затем пришла радиограмма от женщины, в которой говорилось, что плод - девочка, и именно таким якобы был замысел мужчины: дочка должна была заменить ему стареющую жену. Землянам не было смысла отвечать на все это - к тому времени, как радиограммы с корабля достигли родной планеты, со времени соответствующих событий на борту прошли уже годы, так что все, что оставалось делать - это пассивно ждать новых посланий. После длительной паузы пришла последняя радиограмма, довольно сильно искаженная, предположительно расшифровывающаяся как: "Мне пришлось убить его, чтобы защитить себя и моего ребенка." Больше первый звездолет планеты Земля в эфир не выходил.

Никто так и не знает наверняка, что именно там произошло. Была, например, гипотеза, что на самом деле как раз муж убил жену и слал радиограммы от ее имени - хотя никаких рациональных причин обманывать людей, к которым он никогда больше не вернется, конечно, не было. Но едва ли тот, кто остался на борту последним - кто бы это ни был - к этому времени руководствовался рациональными мотивами.

Во второй полет отправили двух асексуальных мужчин, друживших еще со студенческих лет и прошедших еще более строгий отбор, чем первый экипаж. Связь с кораблем прервалась на четырнадцатом году по бортовому времени.

Но все равно. Это ничего не доказывает. Это не значит, что такой полет не может выдержать никто.

Он мечтал об этом с детства. Увидеть другой мир. Другое солнце. Новое небо и новую

землю. Пусть даже только через приборы, пусть не ступив туда лично, пусть (тем более что современные системы виртуальной реальности дают почти неотличимый эффект присутствия). Оказаться там, где не был никто из людей. Стать первым человеком, достигшим звезд - раз уж не вышло у двух предыдущих экипажей. А может быть - как знать? - и впрямь вступить в контакт с иным разумом.

Он дал себе клятву в девять лет, что, когда третий звездолет отправится в путь, он будет на борту. Поначалу, конечно, никто не принимал его всерьез - какой мальчишка не мечтает о космосе? - потом некоторых приводила буквально в ужас его решимость. Годы подготовки, ежедневные тренировки, жесточайший конкурсный отбор из тысяч кандидатов (да, желающих лететь по-прежнему были тысячи, что бы там ни твердили эти так называемые "здравомыслящие люди", именующие межзвездные полеты "самым дорогим способом самоубийства в истории"!)) Этот полет был целью и смыслом его жизни, и он шел к своей цели, несмотря ни на что. И он добился своего. Получил место командира основного экипажа. Командира корабля, постройка которого должна была занять еще пять лет, но он согласен был ждать.

Теперь ждать больше нечего. Все кончено.

Он смотрел на небо над горами, одетыми в темно-зеленых бархат лесов. В какой-то момент там появилась белая точка, чертившая в синеве прямой светлый след. Она распалась гроздью мелких искорок, за каждой из которых тянулся белый штрих. Это длилось считанные секунды, потом исчезло. Ночью, очевидно, зрелище было бы более впечатляющим, но при свете дня его, возможно, вообще не заметил ни один человек. Но он знал, куда и когда смотреть, и имплант, вживленный в его череп, подсказывал ему точное время.

Вот и все. Его корабля больше нет.

Наверное, в глубине души он все-таки до последней секунды иррационально верил, что этого не случится. Что проект всего лишь заморозят, а не похоронят окончательно. Что частная инициатива подхватит то, от чего отказались все государства. Хотя, конечно, ей-то с какой стати? С точки зрения бизнеса, более убыточное вложение денег действительно трудно себе представить...

В его жизни больше не осталось цели, и это уже не исправить. Это даже не эмоции - это просто констатация факта.

Он расстегнул свой офицерский китель и вытащил пистолет. Затем снова застегнулся по всей форме. Снял оружие с предохранителя. Вложил ствол в рот, словно лекарство. И нажал на спуск.

Птицы озадаченно замолкли на несколько секунд, но вскоре зачирикали снова. Одуванчики по-прежнему желтели в густой траве, и стрекозы порхали над ручьем.